

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

АДАМЯН АННА АНДРЕЕВНА

**ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ К СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ
ФЕНОМЕН**

Резюме диссертации
на соискание учёной степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
профессор, доктор психологических наук
Нартова-Бочавер С.К.

Москва 2020

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Справедливость как одна из ключевых ценностей человеческой культуры, воплощение понятия о должном, соответствующем представлениям о сущности человека и его неотъемлемых правах [Ильичев и др., 1983], критически значима для успешного функционирования общества; нормы справедливости представляют необходимую базу существования любых социальных институтов. В связи с этим внимание отдельных людей к вопросам справедливости, их готовность действовать в соответствии с нормами, а также бдительно следить за возможными нарушениями и стремиться к восстановлению справедливости благоприятны для самого общества. В то же время возникает ряд вопросов относительно места восприимчивости к нарушению справедливости в структуре личности и о ее роли в жизни отдельного человека. Является ли восприимчивость к нарушению справедливости устойчивой характеристикой? Различаются ли отдельные люди по уровню подобной восприимчивости? Какое место восприимчивость к справедливости занимает в общей структуре личности? Насколько она адаптивна и благоприятна для психологического благополучия личности? Как подобный тип реагирования соотносится с другими реакциями на несправедливость, в частности – с установкой прощать? Поиск ответов на эти исследовательские вопросы задал направление и предмет настоящего исследования.

Проблема исследования

Понятие «чувствительность к справедливости» (*ЧС, Gerechtigkeits-sensibilität, Justice sensitivity*) было предложено и разработано немецким психологом Манфредом Шмиттом [Schmitt et al., 1995] для изучения индивидуальных особенностей в реакциях на несправедливость, которые сохраняются в различных обстоятельствах и не объясняются ситуативными факторами. Исследования, проведенные в Германии, подтвердили, что ЧС является устойчивой самостоятельной чертой личности, несводимой к другим характеристикам [Baumert, Schmitt, 2016; Schmitt et al., 2005; Schmitt et al., 2010]. В

соответствии с ролями, которые может играть индивид в ситуации нарушения справедливости, выделяются чувствительность к справедливости с позиции жертвы ($Ч_{жертв}$), свидетеля ($Ч_{свид}$), бенефициара ($Ч_{бенеф}$) и нарушителя ($Ч_{наруш}$). Отдельные исследования, проведенные в Германии [Baumert, Schmitt, 2016], показали, что ЧС (в первую очередь $Ч_{жертв}$) отрицательно связана с показателями психологического благополучия.

В данной работе теоретико-методологической основой для понимания места ЧС в структуре личности служит Пятифакторная теория личности, в рамках которой выделяются составляющие личностного пространства: базовые тенденции – основополагающие базовые черты, фасетки – черты нижнего уровня, характерные адаптации, представляющие собой отдельные культурно обусловленные адаптации к конкретной среде, основанные на чертах личности, в интерпретации П.Косты и Р. Макрэ внутри характерных адаптаций выделяется Я-концепция (как элемент, интегрирующий все представления человека о себе, она занимает особое место и оказывает влияние на поведение и реакции личности в любых ситуациях) [McCrae & Costa, 1999; McAdams, Pals, 2006; Щебетенко, 2017].

В нашем исследовании ЧС рассматривается как черта личности нижнего уровня, определяющая поведение и эмоциональные и когнитивные реакции индивида в контексте нарушения справедливости. Исследование отвечает на вопрос о существовании ЧС как черты личности в русскоязычной культуре, исследуются системы взаимосвязей с базовыми тенденциями, элементами Я-концепции. На момент проведения данного исследования на русскоязычной выборке существовало отдельное исследование, посвященное связи чувствительности к справедливости с позиции жертвы с характеристиками эмоционального состояния и мировоззренческими убеждениями [Нартова-Бочавер, Астанина, 2014], однако целостного исследования феномена ЧС и верификации ее статуса как отдельной черты ранее не проводилось. Кроме того, в данном исследовании рассматривается вопрос об адаптивности ЧС с точки зрения психологического благополучия отдельной личности. Несмотря на наличие большого массива исследований, посвященных ЧС, лишь в нескольких из них

затрагивался вопрос о ее связи с показателями психологического благополучия. А. Баумерт, М. Шмитт [Baumert, Schmitt, 2016] приводят результаты исследований, согласно которым различные аспекты ЧС связаны с депрессивными тенденциями, психологическим напряжением, снижением удовлетворенности жизнью. Наиболее выраженные связи и широкие системы коррелятов характерны для позиции жертвы. И наконец, в работе исследуется отношение между ЧС и прощением. Диспозициональное прощение (как устойчивая характеристика личности, выражающаяся в склонности прощать), как и чувствительность к справедливости, можно рассматривать как черту личности нижнего уровня. В связи с этим возникают вопросы о том, как соотносятся и сосуществуют две эти черты, означает ли обязательно выраженность одной из них низкий уровень другой или же они могут дополнять друг друга. На данный момент было проведено единственное исследование ЧС в соотношении с прощением, оно охватывало лишь связь между Ч_{жертв} и показателями прощения, оставляя за пределами рассмотрения другие аспекты ЧС; кроме того, диспозициональное прощение и ситуативное прощение диагностировались с помощью кратких форм самоотчета, что не позволяет выделить закономерности связей с ЧС с различными составляющими прощения [Gerlach et al., 2012].

Объектом диссертационного исследования является чувствительность к справедливости.

Предмет исследования составляет онтологический статус чувствительности к справедливости, а именно – ее место в структуре личности, соотношение с другими чертами нижнего уровня, связанными с ситуациями нарушения справедливости (на примере прощения) и роль в качестве предиктора психологического благополучия.

Цель исследования заключается в определении места чувствительности к справедливости во внутриличностном пространстве (в частности относительно другой черты личности, существующей в контексте нарушения справедливости, - диспозиционального прощения), изучении ее адаптивного потенциала в отношении психологического благополучия личности.

Задачи исследования

1. Теоретические

- Проанализировать теоретические и эмпирические исследования чувствительности к справедливости и ее связей с показателями психологического благополучия

- Проанализировать теоретико-методологическую литературу с целью определить теоретическое место ЧС в общей структуре личности, определить приоритетные ракурсы исследования ЧС в соотношении с ключевыми элементами внутри личностного пространства.

2. Методические

- Валидизировать опросник для исследования чувствительности к справедливости

- Провести психометрическую подготовку методик для исследования диспозиционального и ситуативного прощения

3. Эмпирические

- Верифицировать статус ЧС как самостоятельной черты личности на российской выборке

- Эмпирически исследовать положение ЧС в пространстве личности: взаимосвязи с базовыми тенденциями личности и Я-концепцией

- Исследовать связь ЧС с психологическим благополучием

- Исследовать связь ЧС с показателями диспозиционального и ситуативного прощения

Общая гипотеза. Чувствительность к справедливости представляет собой самостоятельную черту личности нижнего уровня, являющуюся неадаптивной с точки зрения психологического благополучия отдельной личности.

Частные гипотезы

1. ЧС представляет собой самостоятельную черту личности, связанную с другими чертами, однако не сводимую к ним.

2. ЧС отрицательно связана с параметрами Я-концепции: самоуважением и устойчивостью личности

3. ЧС отрицательно связана с психологическим благополучием
4. Негативные связи ЧС с психологическим благополучием как минимум частично объясняются присутствием базовых тенденций (а именно нейротизма) и особенностей Я-концепции (самоуважения и устойчивости), связанных с ЧС и влияющих на психологическое благополучие.
5. ЧС отрицательно связана со способностью прощать; ЧС и прощение являются чертами личности, проявления которых являются альтернативами реагирования на несправедливость.

Теоретико-методологические основы исследования составили Теория чувствительности к справедливости (М.Шмитт), Пятифакторная теория личности (П. Коста, Р. Макрэ, Д. Макадамс), деятельностный подход, в рамках которого личностные качества (черты личности) выступают как поведенческие характеристики личности (А.Н.Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), концепция психологического благополучия (Э.Деси, Р.Райан, К. Рифф, Б. Сингер), теоретические представления и эмпирические исследования прощения (М. Рай, Э.Ворсингтон, М. Аллеманд, М. Стайнер, Торесен, М. Экслейн), концепция диспозиционального прощения Л. Томпсон, К. Снайдера, концепция обыденных представлений о справедливости (О.А. Гулевич, Е.О. Голынчик), теоретические представления о совести (М.И. Воловикова, В.Д. Шадриков, Е.П. Ильин), представления о справедливости и заботе как основаниях морали (Л. Колберг, К. Гиллиган, С.В. Молчанов)

Методы и методики

В исследовании структуры и психометрических характеристик Опросника чувствительности к справедливости, помимо самого Опросника ЧС, использовались следующие методики:

Опросник Маркеры факторов “Большой пятерки” Л. Голдберга в адаптации Г.Г. Князева [Князев, Митрофанова, Бочаров, 2010]

Шкала Веры в справедливый мир [Dalbert, 1999]

Шкала базисных убеждений Р. Янофф-Бульман в адаптации М.А. Падун и

А.В. Котельниковой [Janoff-Bulman., 1989]

Опросник Модель моральных мотиваций [Janoff-Bulman., Carnes, 2013]

Методика Личностная агрессивность и конфликтность Е.П. Ильина и П.А. Ковалева [Ильин, 2000; Методика «Личностная агрессивность и конфликтность», 2002]

Опросник эмоциональной эмпатии А. Меграбяна и Н. Эпштейна [Mehrabian, Epstein, 1972]

Кроме того, для изучения предсказательной валидности опросника было проведено отдельное исследование с использованием авторских виньеток. Виньетки были разработаны на основании результатов пилотажного исследования - опроса независимой группы студентов, в котором участники приводили примеры несправедливых ситуаций. Участникам основного исследования предлагалось прочитать описание ситуаций, а затем оценить ситуацию с точки зрения того, уместен ли ее анализ в категориях справедливости-несправедливости и, если уместен, можно ли расценивать ситуацию как справедливую или несправедливую. На этапе анализа рассматривались связи ЧС с количеством оценок ситуаций как несправедливых.

Исследование соотношения ЧС и содержания обыденных представлений о справедливости, а также согласия с конкретными морально-этическими позициями, относящимися к морали заботы либо морали справедливости, проводимое с целью дополнительного подтверждения предположения о несводимости ЧС как черты личности к другим феноменам личности, а также выявления специфики связей различных измерений ЧС с представлениями о справедливости и разделении тех или иных моральных норм включало использование *опросника «Справедливость - Забота»* В.С. Молчанова [Молчанов, 2005], а также анализ ассоциаций к слову «справедливость» с точки зрения отнесения их к категориям, выделяемым в исследованиях обыденных представлений о справедливости [Гулевич, 2012]

В исследовании связей ЧС с показателями психологического благополучия и элементами Я-концепции использовались:

Шкала депрессии (Center for Epidemiologic Studies Depression Scale, CES-D) [Андрющенко и др., 2003],

Шкала устойчивости Коннор-Дэвидсона (Connor-Davidson Resilience Scale, CD-RISC) [Campbell-Sills, Stein, 2007],

Шкала самоуважения (Self-Esteem scale) [Rosenberg, 1979]

Шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург (Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale, WEMWBS) [Tennant et al, 2007; Нартова-Бочавер и др., 2013]

На этапе анализа в этой части исследования также использовались данные опросника Маркеры большой пятерки из первого этапа исследования.

На этапе, посвященном исследованию связей ЧС с показателями прощения и предварительной психометрической подготовке русскоязычных версий методик исследования диспозиционального и ситуативного прощения, использовались *Шкала прощения Хартланд* [Thompson et al., 2005], *Опросник ситуативного прощения* [Rye, 2001], *Шкала вероятности прощения* [Rye, 2001].

Использовались следующие методы статистической обработки данных: описательные статистики, корреляционный анализ, коэффициент α Кронбаха для анализа надежности-согласованности опросника, эксплораторный факторный анализ, конфирматорный факторный анализ, иерархический регрессионный анализ, непараметрические критерии сравнения независимых выборок Манна-Уитни и Краскелла-Уоллеса, хи-квадрат. В качестве программного обеспечения использовались статистические пакеты IBM SPSS 22.0 и EQS 6.4.

Выборка и эмпирическая база исследования

В исследовании принимали участие студенты вузов, получающие первое либо второе высшее образование. Опросники заполнялись лично либо на базе электронной платформы 1ka (www.1ka.si).

В первом этапе исследования, посвященном изучению структуры и психометрических характеристик Опросника чувствительности к справедливости, и во втором этапе исследования, посвященном исследованию связей ЧС с показателями психологического благополучия принимала участие общая выборка

из 1005 испытуемых в возрасте от 17 до 45 лет ¹. В отдельном подэтапе исследования - изучении предсказательной валидности опросника с использованием авторских виньеток, описывающих ситуации несправедливости, приняла участие дополнительная группа из 98 участников в возрасте от 17 до 20 лет (эта же выборка участвовала в исследовании соотношения ЧС с обыденными представлениями о справедливости и с согласием с морально-этическими позициями из области морали справедливости и морали заботы, а также с эмпатией). В исследовании связей ЧС с показателями прощения и предварительной психометрической подготовке русскоязычных версий методик исследования диспозиционального и ситуативного прощения, выборка составила 590 респондентов в возрасте 17-29 лет (эта же выборка участвовала в исследовании аспекта конвергентной валидности - связи ЧС с показателями личностной агрессивности и конфликтности). Общая выборка исследования, таким образом, составила 1693 человека.

Научная новизна диссертационного исследования

До настоящего времени не проводились развернутые исследования феномена чувствительности к справедливости в России. Культурная обусловленность обыденных представлений о справедливости [Гулевич, 2012] ставит вопрос о возможной культурной обусловленности и восприимчивости к несправедливости, равно как ее выраженности в российском обществе (по сравнению с германским), то есть о самом существовании феномена чувствительности к справедливости в российской культуре.

Наше исследование обладает методологической и эмпирической новизной.

1. Чувствительность к справедливости изучена в рамках Пятифакторной модели как черта личности нижнего уровня, проявляющаяся в контексте

¹ Общее число испытуемых, заполнивших опросник ЧС и основные дополнительные методики, составило 1005 испытуемых, но в результате предварительной обработки данных и исключения случаев с неполным заполнением целевого набора опросников в первом исследовании, посвященном адаптации учитывались результаты 1001 (772 – размер женской подвыборки). В исследовании, посвященном исследованию связей с благополучием анализировались результаты 1002 респондентов (769 – размер женской подвыборки). Отдельные опросники заполняла лишь часть испытуемых, более подробно информация приведена в тексте.

нарушения справедливости (в сопоставлении со способностью прощать) и как ресурс адаптации (в связи с психологическим благополучием).

2. Эмпирически показано, что ЧС отрицательно связана с психологическим благополучием, позитивными проявлениями Я-концепции и способностью прощать.

3. Была содержательно рассмотрена связь ЧС и психологического благополучия. Показано, что связь с депрессивными симптомами обусловлена не уникальным содержанием ЧС, а формируется на пересечении ЧС, нейротизма (базовой тенденции, лежащей за ЧС) и характеристик Я-концепции (группы свойств, относящихся к уровню характерных адаптаций, но проявляющихся не в отдельных ситуациях, а в жизнедеятельности в целом). Связь с уровнем психологического благополучия (его позитивного полюса) наблюдается только для женской выборки и так же определяется взаимодействием ЧС и характеристик Я-концепции, а не уникальным содержанием непосредственно ЧС.

4. Впервые в России проверены модели прощения [Thompson et al, 2005; Rye, 2001] и осуществлена психометрическая подготовка инструментов для измерения этого феномена, что представляет собой дополнительный результат работы.

Теоретическая значимость исследования

1. Впервые в России адаптирована и применена теория Чувствительности к справедливости М. Шмитта; валидизирован основной инструмент исследования – одноименный опросник.

2. Чувствительность к справедливости рассмотрена как черта личности нижнего уровня, имеющая четыре аспекта (перспективы): чувствительность к справедливости с позиции жертвы, свидетеля, бенефициара и нарушителя. Рассмотрение ЧС через призму Пятифакторной модели личности обеспечило ценный ракурс для изучения механизма влияния ЧС на психологическое благополучие и превенции депрессивных симптомов.

3. Также впервые исследовались связи между всеми измерениями ЧС и

прощением; ЧС и прощение рассматривались как черты личности, проявления которых являются альтернативами реагирования на несправедливость, однако результаты продемонстрировали невзаимоисключающие отношения.

Практическая значимость исследования

Полученные результаты позволят специалистам из области психологического консультирования в процессе работы лучше понимать роль фактора чувствительности к справедливости как потенциального источника психологического неблагополучия, а также механизмы, которые за этим стоят, фокусируя внимание на связи ЧС и Я-концепции. Понимание невзаимоисключающих отношений между ЧС и диспозициональным прощением открывает перспективы, в частности, для исследования возможного нейтрализующего по отношению к негативным эффектам ЧС влияния способности прощать на показатели психологического благополучия. Среди других возможных направлений практической работы можно выделить, например, разработку тренинга противостояния попыткам манипулировать ЧС в социально-политических целях.

Надежность и достоверность полученных результатов обеспечивается размером выборки, обоснованностью выбора диагностических методик, применением процедур статистической обработки данных. При статистической обработке использовались программы IBM SPSS 22.0 и AMOS 22.00.

Положения, выносимые на защиту

1. Чувствительность к справедливости представляет собой самостоятельную черту личности, заключающую в себе устойчивые индивидуальные различия в готовности воспринимать случаи несправедливости и в силе когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций на несправедливость. Это черта нижнего уровня, которая до некоторой степени взаимосвязана с чертами Большой пятерки, но к ним не сводится.

2. В структуре чувствительности к справедливости выделяются четыре взаимосвязанных, но несводимых друг к другу аспекта, связанных с ролью в

ситуации нарушения справедливости: чувствительность к справедливости с позиции жертвы, свидетеля, бенефициара и нарушителя. На российской выборке была подтверждена данная структура, выделенная ранее в зарубежных исследованиях.

3. Чувствительность к справедливости выступает как антипредиктор психологического благополучия в широком понимании, включая положительную связь с проявлением депрессивной симптоматики и отрицательную - с позитивным полюсом психологического благополучия. Однако присутствует гендерная специфика связей между отдельными позициями ЧС и аспектами благополучия. Если $Ч_{жертв}$, $Ч_{свид}$ и $Ч_{бенеф}$ положительно коррелируют с показателем депрессивных симптомов как в мужской, так и в женской группах, то $Ч_{наруш}$ связана с ним лишь в мужской группе. С позитивной стороной психологического благополучия ЧС (во всех позициях) ассоциирована лишь в женской группе; в мужской группе связи отсутствуют.

4. Связь чувствительности к справедливости с показателями психологического благополучия объясняется наличием корреляций между этими показателями с другими элементами личностной структуры. Так, соотнесенность чувствительности к справедливости с депрессивными симптомами объясняется наличием корреляций с нейротизмом и самоуважением, а связь с позитивной составляющей психологического благополучия, присутствующая для женской выборки, объясняется корреляциями с показателями самоуважения и устойчивости.

5. По результатам исследования факторной структуры Шкалы прощения Хартланд, направленной на диагностику прощения как устойчивой личностной диспозиции, на русскоязычной выборке было выделено две составляющие прощения: готовность прощать и отсутствие руминаций на тему несправедливости, при отсутствии отдельных факторов, связанных с объектом прощения (самим собой, другими людьми или ситуацией).

6. Чувствительность к справедливости и прощение не являются взаимоисключающими альтернативами в отношении адаптации к нарушению

справедливости; областью их пересечения является склонность к руминациям. Именно это качество, одновременно представляя собой отрицательный полюс прощения и входя в структуру чувствительности к справедливости, обуславливает негативные взаимосвязи между ЧС и прощением. Другая составляющая, Готовность прощать (изменить свое отношение к нарушителю справедливости с негативного на позитивное), является уникальной составляющей диспозиционального прощения, не соотносимой с ЧС. Таким образом, ЧС и прощение могут сосуществовать в личности одного и того же человека.

Апробация результатов исследования

Основные результаты были представлены на конференциях: Всероссийской научной конференции «Методология, теория, история психологии личности», посвященная 95-летию со дня рождения Л.И. Анцыферовой (Москва, 2019); V Международной научной конференции «Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие» (Кострома, 2019); VII Международной научной конференции "Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии" (Ереван, 2019); VII международной конференции молодых ученых "Психология - наука будущего" (Москва, 2017); VI Международной научно-практической конференции "Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии" (Ереван, 2017), XXIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов" (Москва, 2017), XXII Международном симпозиуме "Психологические проблемы смысла жизни и акме" (Москва, 2017), а также в 3 научных статьях в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации

Структура и объем диссертации определяются логикой исследования и последовательностью решаемых задач. Работа состоит из введения, двух глав, выводов, заключения, списка литературы (всего 162 наименования, из них – 120 на иностранных языках) и семи приложений. Текст диссертации включает в себя 15 таблиц (с приложениями – 16 таблиц). Текст диссертации изложен на 165 страницах машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, определяются цель, задачи, объект и гипотезы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; приводятся положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Чувствительность к справедливости в контексте междисциплинарных представлений о справедливости»**, состоящей из четырех параграфов, приводится обзор представлений о понятии «справедливость» в философии, обсуждаются аспекты понятия «справедливость», входящие в область интересов психологии, в частности рассматриваются представления о существовании и содержании мотива справедливости и о чувствительности к справедливости как его частном воплощении, представляющем собой черту личности нижнего уровня, характеризующую готовность человека воспринимать случаи несправедливости, интенсивность эмоциональных реакций и размышлений на тему несправедливости и готовность восстанавливать справедливость. В главе подробно освещаются исследования чувствительности к справедливости, рассматривается Пятифакторная теория личности, в терминах которой мы определяем положение ЧС внутри личностного пространства как черту личности нижнего уровня, обсуждается установка прощать, как черта, проявления которой в ситуациях субъективного нарушения справедливости могут рассматриваться как альтернатива к проявлениям ЧС.

В параграфе 1.1 **«Справедливость как междисциплинарное понятие»** обсуждаются представления о справедливости в рамках философии в эпоху античности, в период Нового времени и в современности. Рассматриваются взгляды на справедливость как с точки зрения политической философии, так и с точки зрения этики. В частности, обсуждаются взгляды Дж. Ролза [Мунтян, 2009], его встроенная в общее обоснование системы политического либерализма концепция индивида, обладающего моральными способностями иметь концепции справедливости и блага, по сути постулирует существование универсального морального мотива справедливости. В рамках этики справедливость рассматривается

как воплощение рациональных аспектов выделяемых Р.Г. Апресяном нравственно-этических систем утилитаризма и перфекционизма и противопоставляется заботе, воплощающей нравственно-этическую систему альтруизма [Апресян, 1995; Молчанов, 2005].

В психологии тема справедливости как одной из детерминант социального поведения человека представляет интерес в первую очередь для социальной психологии. Однако понятие справедливости всегда определенным образом репрезентировано в сознании отдельного участника взаимодействия, а ситуации, связанные с вопросами справедливости, обладают различной степенью личностной значимости, вызывают отклик разного типа и интенсивности не только в зависимости от характеристик самой ситуации, но и в зависимости от индивидуальных форм когнитивного, аффективного и поведенческого реагирования на соответствующие ситуации или возможность их возникновения. Поэтому в психологических науках, помимо социальной психологии, проблематика справедливости разрабатывается также психологией личности. В параграфе рассматриваются существующие в социальной психологии представления о компонентах справедливости и нормах в рамках этих компонент, а также обыденные представления о справедливости, характерные для современного российского общества [Гулевич, 2012]. Освещаются различные представления о содержании мотива справедливости [например, Thibaut, Walker, 1975; Schwartz, 2012; Janoff-Bulman, Carnes, 2013; Lerner, 1980] и примеры конкретного воплощения мотива справедливости: мировоззренческая установка, описанная М.Лернером [1980], - Вера в справедливый мир, а также чувствительность к справедливости.

В параграфе 1.2 **«Феномен чувствительности к справедливости»** подробно рассматривается теория ЧС и существующие исследования, проведенные на ее основе.

В первом подпараграфе **«Компоненты и измерения»** описываются четыре компонента ЧС: перцептивный, эмоциональный, когнитивный и мотивационный – и четыре измерения ЧС, выделяемые в соответствие с позицией, которую может

занимать человек в ситуации несправедливости. Кратко обсуждается разработанная автором теории методика исследования – опросник ЧС [Schmitt, 2005]. В параграфе освещаются исследования, проведенные в Германии подтвердившие статус ЧС как самостоятельной черты личности, несводимой к другим чертам, в том числе к факторам Большой пятерки, а также к другим конструктам внутри личностного пространства, связанным с понятием справедливости [Schmitt et al, 2010; Schmitt et al, 2005]. Предсказательная валидность конструкта ЧС подтверждается исследованиями связи показателей ЧС с поведенческими реакциями на несправедливость в экспериментальных ситуациях, а также с приверженностью принципам справедливости в собственном поведении [Mohiyeddini, Schmitt, 1997; Schmitt, Mohiyeddini, 1996; Baumert, Schmitt, 2016].

Также обсуждаются различные для позиций ЧС системы корреляторы из числа других личностных черт. Особняком в ряду измерений стоит $Ч_{жертв}$: хотя все измерения положительно связаны с такими фасетками опросника NEO-PR (The Revised NEO Personality Inventory), как самосознание, открытость чувствам, мягкосердечие и скромность, $Ч_{жертв}$ положительно связана с враждебностью и отрицательно – с согласием [Нартова-Бочавер, Астанина, 2014а]. Если $Ч_{бенеф}$, $Ч_{наруш}$, $Ч_{свид}$ положительно коррелируют с показателями моральной идентичности, с приверженностью нормам справедливости и заботы о ближнем, то для $Ч_{жертв}$ подобной связи не обнаружено [Rothmund et al, 2012]. Поведенческие эксперименты и полевые исследования подтверждают тенденции обнаруженные в корреляционных исследованиях [Lotz et al., 2013; Fetchenhauer, Huang, 2004; Gollwitzer et al, 2009; Baumert, Schmitt, 2016]. Делается вывод о том, что в то время как $Ч_{бенеф}$, $Ч_{наруш}$ и $Ч_{свид}$ можно считать ресурсом для эффективного социального взаимодействия и кооперации, $Ч_{жертв}$, связанная с антисоциальным поведением, оправдываемым идеей самозащиты от несправедливости вовне, может являться препятствием для взаимодействия, источником возможных конфликтов.

В подпараграфе **«Чувствительность к справедливости как черта личности»** обсуждается место ЧС в общей структуре личности. ЧС, вслед за

автором концепции М. Шмиттом, предлагается рассматривать в рамках Пятифакторной теории как черту личности нижнего уровня – фасетку.

Обсуждаются современные представления о чертах личности, целостная структура личности в рамках Пятифакторной теории личности П.Косты, Р. МакРэ, включающая черты личного разного порядка и характерные адаптации. Обсуждается уникальная роль Я-концепции как частной категории внутри характерных адаптаций, которая в то же время играет особую роль сохранения устойчивости представлений о себе в разных обстоятельствах.

Обсуждается возможность рассматривать ЧС, представляющую собой стратегию высокой восприимчивости к несправедливости, фокусирования на ней в размышлениях и готовности восстанавливать справедливость, как альтернативу прощению-стратегии, которая предполагает когнитивное и эмоциональное переструктурирование восприятия ситуации с целью принять возникшее различие между ожиданиями и реальностью и приспособиться к нему.

С учетом того, что на данный момент обширные исследования ЧС проводились в первую очередь в Германии, ставится вопрос о том, существует ли феномен ЧС в пространстве личности представителей русскоязычной культуры и каково его место в них. В контексте предполагаемого ответа на этот вопрос выдвигается первая гипотеза исследования.

В подпараграфе **«Связь чувствительности к справедливости с показателями психологического благополучия»** описываются результаты исследований, проведенных в Германии, согласно которым аспекты ЧС в целом негативно связаны с психологическим благополучием [обзор: Baumert, Schmitt, 2016]: отдельные измерения положительно коррелируют с депрессивными симптомами и психологическим напряжением и отрицательно – с удовлетворенностью получаемым на работе признанием. Среди всех аспектов ЧС связи наиболее выражены для $Ч_{\text{жертв}}$. Также рассматриваются результаты проведенного на российской выборке исследования $Ч_{\text{жертв}}$ [Нартова-Бочавер, Астанина, 2014a]. В нем подтвердились на русскоязычной выборке данные о положительно связи $Ч_{\text{жертв}}$ с депрессивной симптоматикой и отрицательных связях

с некоторыми элементами Я-концепции (в том числе самоуважением и устойчивостью личности) и были получены интересные данные относительно гендерных различий в коррелятах Ч_{жертв}. В этом же подпараграфе с опорой на описанные исследования и теоретико-методологическую базу исследования – Пятифакторную теорию личности - выдвигаются вторая, третья и четвертая гипотезы исследования.

В подпараграфе **«Чувствительность к справедливости в пространстве моральных категорий в психологии»** с теоретической точки зрения анализируется положение ЧС среди других категорий психологии морали: понятий моральной чувствительности Дж. Реста [Rest, 1984] и совести.

При обсуждении соотношения конструкторов моральной чувствительности и чувствительности к справедливости, выделяются несколько ключевых различий, связанных с типами ситуаций, к которым имеют отношение конструкторы, диапазоном позиций, из которых человек смотрит на ситуацию, и с тем, что теория моральной чувствительности описывает процессы, стоящие за моральными действиями в конкретной ситуации, а не устойчивые черты личности, как теория ЧС. Таким образом, рассмотренные понятия являются близкими, но не идентичными по феноменологии и теоретической структуре, требуют отдельного изучения.

При обсуждении понятия совести кратко освещаются представления о ней в рамках философии стоицизма и экзистенциализма, христианской этики. С точки зрения психологии более подробно понятие совести разбирается в рамках теоретических взглядов В.Д. Шадрикова [Шадриков, 2006, 2017аб, 2019], который определяет совесть как «духовное состояние субъекта, формирующееся на основе оценки своего поведения с позиций нравственных ценностей, которые приняты субъектом, несоблюдение которых воспринимается с онтологических позиций как потеря самого себя» [Шадриков, 2017б]. При обсуждении соотношения конструкторов совести и чувствительности к справедливости отмечается взаимное пересечение объемов понятий при несводимости их друг к другу. С одной стороны, Ч_{жертв} очевидно не связана со следованием нравственным ценностям, а

ориентирована на учет собственных интересов. Однако можно предположить, что просоциальные измерения ЧС не исчерпывают содержание понятия «совесть». Совесть формируется на основании нравственных ценностей, которые не ограничиваются лишь справедливостью. Ч_{бенеф}, Ч_{свид} и в первую очередь Ч_{наруш} могут рассматриваться как частные случаи проявления работы совести.

Кроме того, в подпараграфе обозначаются некоторые актуальные, с точки зрения автора, вопросы из области психологии морали, касающиеся ЧС: в частности, вопрос о соотношении ЧС и моральных оснований и уровня развития морали, а также вопрос о связи ЧС с обыденными представлениями о содержании понятия справедливости.

В параграфе 1.3 **«Прощение как черта личности, альтернативная чувствительности к справедливости»** осуществляется обзор представлений о прощении в психологии, описываются единичные исследования отношений прощения и ЧС, а также методики исследования прощения, направленные на изучение различных аспектов феномена.

Обращение к понятию прощения связано с тем, что прощение, как и чувствительность к справедливости, можно рассматривать как черту личности нижнего уровня, проявления которой являются альтернативой реагирования на несправедливость.. С позиций психологии личности важен вопрос о том, как соотносятся и сосуществуют две эти черты в одном человеке, означает ли выбор одной из них отказ от другой или же они могут дополнять друг друга.

В теоретических представлениях о прощении общепринятым является выделение ситуативного и диспозиционного прощения. Ситуативное прощение определяется как процесс изменений в ситуации, а диспозиционное прощение – как черта личности, представляющая собой склонность прощать [Allemand, Steiner, 2011].

В данной работе на теоретическом уровне ЧС рассматривается в первую очередь в соотношении с диспозиционным прощением, однако при этом эмпирическое исследование ЧС и ситуативного прощения представляет интерес с

точки зрения того, как в конкретной ситуации восприимчивость к несправедливости связана с реакциями на обидчика и ситуацию.

Теоретической основой данной работы с точки зрения понимания прощения являются взгляды Л. Томпсон с соавторами [Thompson et al., 2005], они определяют прощение как способ осмысления (framing) ситуаций, где нарушаются ожидания человека о том, как он сам, другие люди должны себя вести, или о том, как должны развиваться события жизни, который приводит к тому, что ответ на такие ситуации трансформируется из негативного в нейтральный или позитивный. Согласно концепции авторов, когда люди прощают, они признают факт нарушения ожиданий от реальности, а затем проделывают работу на когнитивном, эмоциональном и/или поведенческом уровне, которая обеспечивает изменение ответа на ситуацию.

В параграфе приводится краткое описание проведенного ранее исследования соотношения $Ч_{\text{жертв}}$ и прощения [Gerlach et al., 2012] Данное исследование, проливая свет на некоторые аспекты связи между $Ч_{\text{жертв}}$ и прощением, оставляет открытым вопрос о том, как соотносятся с прощением другие измерения ЧС. Кроме того, диспозициональное прощение и ситуативное прощение диагностируются с помощью очень кратких форм самоотчета, что не позволяет выделить закономерности связей с ЧС с различными составляющими прощения. В связи с этим ставится задача более детально исследовать связь ЧС с показателями диспозиционального и ситуативного прощения, формулируется пятая гипотеза исследования.

В работе для исследования диспозиционального прощения используется Шкала прощения Хартланд, разработанная Л. Томпсон с соавторами [Thompson et al., 2005]. Особенностью теории Л.Томпсон и соответствующей методики является выделение авторами типов прощения по критерию адресата: прощения в отношении себя, прощения в отношении других, прощения в отношении ситуаций. Также в параграфе приводится обзор методик исследования ситуативного прощения, которые применяются в эмпирической части исследования: *Шкалы*

прощения (далее *Шкала ситуативного прощения*) [Rye, 2001] и *Шкалы вероятности прощения* [Rye, 2001].

Во второй главе «**Эмпирическое исследование чувствительности к справедливости во внутриличностном пространстве**», состоящей из четырех параграфов, приведены результаты валидизации *опросника Чувствительности к справедливости*, исследования места феномена чувствительности к справедливости во внутриличностном пространстве, в том числе относительно базисных тенденций (черт Большой пятерки) и элементов Я-концепции, изучения взаимосвязей ЧС с характеристиками психологического благополучия, а также исследования отношений между измерениями ЧС и различными аспектами диспозиционального и ситуативного прощения.

Параграф 2.1 «**Валидизация опросника чувствительности к справедливости**» включает описание процедуры и результатов валидизации.

Процедура включала подготовку текста опросника, исследование факторной структуры опросника, его психометрических характеристик: надежности-согласованности, конвергентной и дискриминантной валидности, предсказательной валидности.

Оценка конвергентной и дискриминантной валидности представляла собой анализ взаимосвязей между показателями *опросника ЧС* и результатами других методик. Для оценки дискриминантной валидности применялись следующие методики: *Опросник Маркеры факторов “Большой пятерки”* Л. Голдберга (*Markers for the Big-Five Factor Structure Scale*) в адаптации Г.Г. Князева и др. [Князев и др., 2010], *Шкала Вера в справедливый мир (Belief in a just world Scale) (BSM)* [Dalbert, 1999; Nartova-Bochaver et al, 2018], *Шкала базисных убеждений (the Basic World Assumptions Scale)* Р. Янофф-Бульман в адаптации М.А. Падун и А.В. Котельниковой [Janoff-Bulman, 1989; Падун, Котельникова, 2008]. Для исследования конвергентной валидности на первом этапе исследования использовался *опросник Модель моральных мотиваций (Moral Motives Model (MMM) scale)* Р. Янофф-Бульман [Janoff-Bulman, Carnes, 2013]. Два отдельных подэтапа исследования были связаны с изучением связей ЧС с эмпатией с помощью

Опросника эмоциональной эмпатии А. Меграбяна и Н. Эпштейна [Mehrabian, Epstein, 1972] и личностной агрессией и конфликтностью с помощью *методики Личностная агрессия и конфликтность* Е.П. Ильина, П.А. Ковалева [Ильин, 2000; Методика «Личностная агрессивность и конфликтность», 2002].

С целью исследования предсказательной валидности опросника ЧС изучалась вероятность оценки как несправедливых специально смоделированных ситуаций из студенческой жизни. Виньетки были разработаны на основании результатов пилотажного исследования - опроса независимой группы студентов, в котором участники приводили примеры несправедливых ситуаций. Варианты виньеток обсуждались с экспертом - психологом-преподавателем, хорошо понимающим реалии студенческой жизни. Виньетки были составлены таким образом, что центральный персонаж выступал в роли жертвы, свидетеля, бенефициара или нарушителя справедливости. Участники оценивали ситуацию с точки зрения того, уместен ли ее анализ в категориях справедливости-несправедливости и, если уместен, можно ли расценивать ситуацию как справедливую или несправедливую.

Выборка исследования факторной структуры опросника составила 1002 человека (средний возраст = 22.3; $SD= 6.3$; 769 женщин). Опросники для исследования конвергентной и дискриминантной валидности заполнили 268 человек (средний возраст = 21.1; $SD = 2.5$; 202 женщины), результаты которых вошли в обобщенную выборку. Однако опросник *ВСМ* также заполнили все участники первого исследования (1002 человека). На этапе исследования связей ЧС с эмпатией выборка составила 98 человек (средний возраст = 18,6, $SD = 1,2$; среди них 81 девушка). При исследовании связей с показателями *методики Личностная агрессивность и конфликтность* в выборку вошли 590 человек (средний возраст - 18,7 лет, $SD=1,1$, среди них 477 девушек). Исследование предсказательной валидности проводилось на той же выборке, что и изучение связей ЧС с эмпатией. В исследовании принимали участие добровольцы, студенты московских вузов, обучающиеся на программах первого либо второго высшего образования.

Исследование продемонстрировало хорошие психометрические

характеристики методики исследования Чувствительности к справедливости. Была сохранена факторная структура оригинального опросника с четырьмя шкалами, соответствующими позициям в ситуации нарушения справедливости: шкалы чувствительности к справедливости с позиции жертвы, свидетеля, бенефициара и нарушителя. Шкалы и опросник в целом обладают хорошими показателями надежности-согласованности. При исследовании описательных статистик были выявлены гендерные различия и возрастной тренд: значимые различия между гендерами отмечаются для всех шкал, кроме $Ч_{жертв}$, у женщин ЧС в среднем выше, чем у мужчин; с возрастом снижается $Ч_{жертв}$, $Ч_{свид}$, а $Ч_{наруш}$ растет. Было показано, что несмотря на наличие связей ЧС с базисными тенденциями (чертами Большой пятерки), базисными убеждениями, верой в справедливый мир, ЧС занимает особое место внутри личностного пространства. Конвергентная валидность подтвердилась наличием связей между ЧС и моральными мотивами, а также основными просоциальными аспектами ЧС ($Ч_{бенеф}$ и $Ч_{наруш}$) и эмпатией и между $Ч_{жертв}$ и показателями агрессивности и конфликтности, однако показатели связей говорят о том, что ЧС не сводится к другим переменным. Исследование оценок конкретных жизненных ситуаций респондентами как справедливых или несправедливых показало, что все аспекты ЧС являются предикторами оценки ситуации как несправедливой, когда в ситуации очевидно наличие жертвы несправедливости (ситуация описывается с позиции жертвы). При этом для всех типов описаний $Ч_{жертв}$, $Ч_{свид}$ и $Ч_{бенеф}$ и ЧС в целом коррелируют с количеством ситуаций, оцениваемых как несправедливые, что позволяет говорить об общей предсказательной валидности методики.

Параграф 2.2 «**Чувствительность к справедливости в пространстве морально-этических категорий**» посвящен исследованию, которое, с одной стороны, является расширением изучения дискриминантной валидности ЧС – подтверждения несводимости ЧС к другим конструктам, связанным со справедливостью и моралью, с другой стороны, вносит особый содержательный вклад в понимание отношений ЧС с представлениями о справедливости и предпочитаемыми морально-этическими позициями в дихотомии «забота-

справедливость». Задачи исследования заключались в том, чтобы выяснить, различаются ли обыденные представления о справедливости у людей с различными уровнями ЧС, а также, какие моральные ориентации в дихотомии забота-справедливость характерны для людей с разным уровнем ЧС. С целью ответить на первый вопрос было проведено исследование обыденных представлений о справедливости в соотношении с показателями каждой из шкал ЧС. С целью ответить на второй вопрос, соотносились показатели ЧС с типами моральной ориентации и уровнями развития морали в рамках этой ориентации, фиксируемыми с помощью опросника «Справедливость - Забота», разработанного В.С. Молчановым [Молчанов, 2005].

Участниками исследования были те же студенты, которые участвовали в процедуре исследования предсказательной валидности ЧС. Процедура исследования обыденных представлений о справедливости заключалась в анализе набора из трех ассоциаций, которые давал каждый из респондентов к слову «справедливость». Ассоциации соотносились с категориями обыденных представлений о справедливости, выделенными в исследовании О.А. Гулевич [Гулевич, 2012]. Категории включают: следование моральным нормам, следование правовым нормам, воздаяние по заслугам, хорошее отношение к людям, возможность верить человеку, равенство позиций, личная активность. Были выделены группы респондентов с высоким и низким уровнем каждого из измерений ЧС: результаты считались высокими либо низкими в случае, если они выходили за пределы одного стандартного отклонения по соответствующей шкале. Для каждой из групп подсчитывалось количество участников, чьи ассоциации относились к каждой из категорий обыденных представлений. Затем с помощью критерия Хи-квадрат² проводилась оценка значимости различий между группами.

Наибольшее количество ассоциаций для испытуемых во всех группах относилось к категории «возможность верить человеку». Значимые различия были обнаружены между группами с высоким и низким уровнем $Ч_{\text{жертв}}$ для категорий

²Так как ожидаемые значения лежали в пределах от 5 до 9, использовался хи-квадрат с поправкой Йейтса. Для исследования групп $Ч_{\text{жертв}}$ и распространенности категории «следование моральным нормам» применялся точный критерий Фишера, так как одно из ожидаемых значений было меньше 5.

«следование моральным нормам» и «воздаяние по заслугам», а также между высоким и низким уровнем $Ч_{свид}$ для категории «воздаяние по заслугам». К категории «воздаяние по заслугам» относились следующие ассоциации: объективность, беспристрастность. Категория «следование моральным нормам» включала: совесть, мораль, нравственность, порядочность. Понимание справедливости в терминах соответствия некоторым внешним правилам распределения благ или проведения процедур более характерно для людей с низким уровнем $Ч_{жертв}$ и $Ч_{свид}$. В то же время восприятие справедливости в одном ряду с категориями нравственности, порядочности и совести характерно для высокого уровня $Ч_{жертв}$. Можно предположить, что в этой ситуации образ другого, занимающего позицию безнравственности, бессовестности выступает очень ярко, вызывая сильные эмоции в моменте и тенденцию размышлять о ситуации в дальнейшем. Другой не просто нарушил определенный порядок вещей, он переступил через нравственный закон, при этом жертва несправедливости оказывается в позиции безвинного страдальца, на стороне которого высшие представления о справедливости.

Согласно результатам корреляционного анализа связей ЧС и показателей опросника «Справедливость - Забота», уровень ЧС с позиции жертвы статистически значимо связан с показателями конвенциональной морали по Колбергу: с ориентацией на мнение других, стремлением быть «хорошим», опорой на социальный закон и порядок – и постконвенциональной морали – ориентацией на универсальные этические принципы. Показатели оставшихся типов ЧС положительно коррелируют исключительно с ориентацией на заботу как моральный принцип, а именно - с рефлексивной эмпатической ориентацией.

Делается вывод о том, что понятие справедливости для человека с высокой $Ч_{жертв}$ несет моральную нагрузку, не является формальностью, но он сам ориентирован скорее на соблюдение правил, чем на переживание о судьбе другого. Просоциальные аспекты ЧС в то же время преимущественно связаны с моралью заботы – позицией равнодушия к судьбе другого.

Параграф 2.3 «Эмпирическое исследование связи чувствительности к

справедливости с показателями психологического благополучия личности» посвящен исследованию взаимосвязей измерений ЧС с элементами Я-концепции (самоуважением и устойчивостью) и характеристиками психологического благополучия. В исследовании проверялась гипотеза о том, что предполагаемые негативные связи ЧС с психологическим благополучием как минимум частично объясняются присутствием связанных с ЧС и психологическим благополучием базисных тенденций (нейротизма) и элементов Я-концепции.

В исследовании принял участие 1001 респондент (772 женского пола, 229 мужского), все участники - студенты московских вузов. Была общая батарея, которую заполняли все участники и которая включала: *опросник Чувствительности к справедливости*, *Шкалу депрессии (Center for Epidemiologic Studies Depression Scale, CES-D)* [Андрющенко и др., 2003], *Шкалу устойчивости Коннор-Дэвидсона (Connor-Davidson Resilience Scale, CD-RISC)* [Campbell-Sills, Stein, 2007], *Шкалу самоуважения (Self-Esteem scale)* [Прихожан, 2002; Rosenberg, 1979]. Часть участников также заполняла дополнительные методики: *Шкалу психологического благополучия Варвик-Эдинбург (Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale, WEMWBS)* [Tennant et al, 2007; Нартова-Бочавер и др., 2013] (785 человек, 608 девушек), часть испытуемых также заполняла *опросник Маркеры большой пятерки* (это была подвыборка, участвовавшая в исследовании дивергентной валидности *опросника ЧС*).

Корреляционный анализ обнаружил положительные связи между всеми измерениями ЧС и депрессивными симптомами. Наиболее высокий показатель выявлен для $Ч_{\text{жертв}}$, аналогичные результаты были получены в исследовании M. Schmitt, M. Dörfel (Schmitt, Dörfel, 1999). Самая слабая связь с депрессивными симптомами – у $Ч_{\text{наруш.}}$. Делается предположение, что так как роль нарушителя является активной, человек, который стремится сам поступать справедливо, обычно может избежать поступков, которые приводят к угрызениям совести. $Ч_{\text{жертв}}$ наоборот связана с наиболее пассивной позицией страдальца, который не может противостоять обстоятельствам. Только на женской выборке ЧС отрицательно связана с показателем опросника психологического благополучия Варвик-

Эдинбург, представляющим в данном исследовании собственно позитивную составляющую психологического благополучия.

Исследование связей ЧС с позитивными аспектами Я-концепции показали, что все измерения ЧС отрицательно связаны с самоуважением, для $Ч_{\text{свид}}$ и $Ч_{\text{бенеф}}$ связь наиболее выражена. Выдвигаются предположения о том, что созерцание несправедливости в отношении другого (особенно в случае неспособности повлиять на ситуацию) связано с переживанием слабости, а также противоречит моральным нормам, соблюдение которых укрепляет самоуважение. Позиция жертвы несправедливости может наносить ущерб самоуважению через переживание собственной уязвимости, если сила является условием самоуважения для конкретного человека. В то же время связь не является односторонней причинно-следственной: для человека с проблемным самоуважением мониторинг ситуаций, где его самоотношение может оказаться под угрозой, становится особенно важным, а в ситуации несправедливости больше склонность истолковывать ее через призму негативного отношения к себе. Для женской выборки связи самоуважения с ЧС сильнее, чем для мужской.

Для устойчивости также были обнаружены негативные корреляции с $Ч_{\text{жертв}}$, $Ч_{\text{бенеф}}$, $Ч_{\text{наруш}}$, но только для женской выборки (отсутствие значимых связей для мужской выборки также может быть связано с различиями в объеме и мощности выборок). Реципрокная связь предполагается и здесь: высокая ЧС связана с субъективно большим количеством ситуаций несправедливости, что может нарушать его представления о себе, как о том, кто является «сильным человеком», «может справиться с чем угодно». С другой стороны, представление о себе как о неспособном справляться может делать человека более бдительным.

Исследование механизмов связи между ЧС и депрессивными симптомами проводилось с помощью регрессионного анализа. На первом шаге регрессионного анализа выделялся объем дисперсии, объясняемый нейротизмом³ и самоуважением, на следующем шаге в модель добавлялись показатели ЧС

³ В опроснике Маркеры Большой пятерки в адаптации Князева используется положительный полюс черты- эмоциональная устойчивость, но во избежание путаницы между понятиями эмоциональной устойчивости и устойчивости в тексте используется термин «нейротизм»

(устойчивость в присутствии переменных нейротизма и самоуважения на предварительном шаге анализа не оказалась значимым предиктором депрессивных симптомов даже для женской выборки и была исключена). При контроле параметров нейротизма и самоуважения вклад чувствительности к справедливости с позиций бенефициара и нарушителя в депрессивную симптоматику не является статистически значимым, для позиций жертвы и свидетеля вклад значим на уровне статистической тенденции, при этом и на этом уровне значимости сам дополнительный объем объясняемой дисперсии (ΔR^2) низок (не более 1%). Несмотря на то, что чувствительные к справедливости люди чуть более склонны к проявлению депрессивных симптомов, это объясняется тем, что чувствительность к справедливости чаще формируется у людей с более высоким нейротизмом, а также в сочетании с универсальной для всех жизненных ситуаций характерной адаптацией – самоуважением: и на пересечении двух взаимосвязанных характеристик (более высокой ЧС и более низкого самоуважения) проявляется большая склонность к депрессивным симптомам.

Исследование механизмов связи между ЧС и психологическим благополучием представляло собой иерархический регрессионный анализ, где на первом этапе в модель вводились показатели самоуважения и устойчивости, а на втором – показатели ЧС.⁴ Анализ проводился для женской подвыборки, так как для юношей связи ЧС с благополучием были крайне низкими и незначимыми. Было показано, что при контроле параметров самоуважения и устойчивости вклад всех измерений ЧС в психологическое благополучие не является статистически значимым. Получается, что хотя для женщин ЧС связана с позитивным аспектом психологического благополучия, объясняемая ЧС часть дисперсии является общей с самоуважением и устойчивостью.

⁴ На первом шаге регрессионного анализа, проводимого для исследования связи между ЧС и психологическим благополучием, было обнаружено, что при наличии в модели самоуважения и устойчивости нейротизм не вносит статистически значимого вклада в депрессивную симптоматику. В связи с этим для большей надежности анализа иерархический регрессионный анализ проводился на большей выборке из всех участников, заполнивших опросники ЧС, самоуважения, устойчивости и психологического благополучия.

В параграфе 2.4 описывается исследование связей между измерениями ЧС и аспектами диспозиционального и ситуативного прощения с предварительной психометрической подготовкой опросников: *Шкалы прощения Хартланд, Шкалы ситуативного прощения и Шкалы вероятности прощения.*

Психометрическая подготовка опросников включала этапы перевода, исследования факторной структуры, проверки надежности-согласованности, а также исследование конвергентной валидности опросников.

Выборку составили 590 студентов младших курсов московских университетов в возрасте 17-29 лет ($M=18,7$, $SD=1,1$), среди них 477 девушек и 113 юношей. Помимо опросников, направленных на исследование диспозициональных и ситуативных показателей прощения, для проверки их конвергентной и дискриминантной валидности в батарею были включены *опросник Личностная агрессивность и конфликтность* Е.П. Ильина и П.А. Ковалева [Ильин, 2000; Методика «Личностная агрессивность и конфликтность», 2002] и *Опросник способов совладания (WCQ)* в адаптации Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтяк [Крюкова, Куфтяк, 2007].

Для Шкалы прощения Хартланд была выявлена уникальная факторная структура, отличающаяся от оригинальной: было выделено два фактора и две соответствующие им шкалы: Готовность к прощению и Отсутствие руминаций на тему обиды, которые соотносятся лишь с одним из выделенных измерений факторной структуры в оригинальном исследовании Thompson и др (2005) – валентностью (измерение, связанное с адресатом прощения не нашло отражения в структуре русскоязычной версии). Выдвигается предположение, что культурная особенность русскоязычной выборки заключается в универсальности процессов прощения в отношении любых источников воспринимаемой несправедливости. В факторной структуре Шкалы ситуативного прощения были выделены четыре фактора: Устойчивость негативных реакций, Значительность психологического ущерба, Доброжелательность в адрес обидчика, Завершенность негативных переживаний. Отличие от оригинальной структуры заключается в том, что пункты, относящиеся к единой шкале негативных реакций оказались распределены по трем

отдельным шкалам, соответствующим характеристикам переживаний: устойчивости, глубины, завершенности наиболее острой фазы. Структура Шкалы вероятности прощения однофакторная, аналогичная оригинальной.

Корреляционный анализ выявил особый рисунок взаимосвязей для каждого из измерений ЧС (таблица 15). Единственный показатель, который практически в равной степени отрицательно связан со всеми позициями ЧС – это отсутствие склонности к руминациям. Считаясь составляющей когнитивного стиля и в то же время будучи связанной с особенностями регуляции механизмов забывания [Fawcett, 2015], руминации, как можно предположить, мало зависят от содержания установок в отношении другого человека, ситуаций несправедливости и любых других, соотносясь, возможно, только со степенью значимости определенной темы, но не с представлениями о ней. Значимые корреляции со всеми измерениями ЧС обнаружались для субшкалы Устойчивость негативных реакций Шкалы ситуативного прощения, это демонстрирует, что как на уровне диспозиции, так и на уровне отдельной ситуации, ЧС связана со склонностью застревать в негативных мыслях и переживаниях. Наиболее просоциальный паттерн связей был выявлен для $Ч_{наруш}$. Только $Ч_{наруш}$ положительно коррелирует с диспозициональной Готовностью прощать и Доброжелательностью в адрес обидчика. Кроме того, присутствует значимая отрицательная связь со шкалой Значительность психологического ущерба: человек с высокой $Ч_{наруш}$ не склонен испытывать ненависть в адрес обидчика и высоко оценивать значимость конкретной ситуации несправедливости. Таким образом, восприимчивость к ситуациям собственного нарушения справедливости связана с общим благосклонным и сочувственным отношением к другому, который оказался на месте нарушителя. Возможно, это объясняется относительной легкостью, с которой человек, чувствительный к собственным нарушениям, может идентифицироваться с другим, который волею или неволею оказался в роли нарушителя, проецировать на него собственные переживания и испытать сочувствие. В то же время чувствительность с позиции нарушителя связана и с общей установкой простить и не возвращаться к обиде в воспоминаниях, как минимум преднамеренно. Если в силу особенностей

когнитивного процесса человек с высокой $Ч_{\text{наруш}}$ и склонен к руминациям, то в какой-то момент он стремится поставить точку и простив оставить событие в прошлом. Паттерн связей $Ч_{\text{бенеф}}$ во многом аналогичен с тем отличием, что отсутствует связь с Готовностью прощать, показатель связи с Доброжелательностью в адрес обидчика несколько ниже и отсутствует отрицательная связь со шкалой Значительность психологического ущерба. Так же, как и $Ч_{\text{наруш}}$, $Ч_{\text{бенеф}}$ связана с положительным отношением к нарушителю справедливости, что видимо, так же объясняется легкостью, с которой человек с высокой $Ч_{\text{бенеф}}$ может поставить себя на место выгодополучателя в ситуации несправедливости. По-другому выглядит система коррелятов $Ч_{\text{жертв}}$. В отличие от $Ч_{\text{наруш}}$, $Ч_{\text{жертв}}$ отрицательно связана с Доброжелательностью в адрес обидчика и положительно со Значительностью психологического ущерба в конкретной ситуации несправедливости. Причем связи с Доброжелательностью в адрес обидчика и Значительностью психологического ущерба характерны лишь для женской части выборки (на мужской выборке сами показатели связи в абсолютном выражении намного ниже, поэтому нельзя связать различие только с разницей в размере выборок). Только $Ч_{\text{жертв}}$ отрицательно коррелирует с показателем Завершенность негативных переживаний – человек с высокой $Ч_{\text{жертв}}$ склонен переживать негативные эмоции от прошедшей ситуации так же ярко, как в момент, когда она происходила. Интересно, что связь также обладает гендерной спецификой: она является значимой только для женской выборки. И из всех измерений ЧС только $Ч_{\text{жертв}}$ значимо отрицательно коррелирует с показателем Шкалы вероятности прощения. $Ч_{\text{жертв}}$ связана не только с руминациями, инерцию которых сложно преодолеть, но и с установкой быть бдительным, не принимать решения о прощении, стремлением к возмездию, устойчиво негативным отношением к обидчику. $Ч_{\text{свид}}$ отличается наиболее выраженной связью со склонностью к руминациям, отсутствием как положительных, так и отрицательных связей с Доброжелательностью в адрес обидчика для девушек, хотя для мужской части выборки характерна положительная связь между $Ч_{\text{свид}}$ и хорошим

отношением к нарушителю справедливости. Кроме того, $Ч_{свид}$ положительно связана с Устойчивостью негативных реакций, но лишь у девушек.

Также в параграфе приводится краткий анализ гендерных особенностей взаимосвязей.

В завершении параграфа делается вывод о том, что при наличии значимых связей между измерениями ЧС и параметрами прощения абсолютные показатели этих связей не слишком высоки, что говорит о том, что ЧС и прощение не являются взаимоисключающими альтернативами. Некоторое пересечение феноменологии ЧС и непощения, видимо, происходит в области склонности в увязании в негативных размышлениях о несправедливости и обидчике. Но при этом прощение связано с выработкой новой позиции в отношении нарушителя, целенаправленным изменением своего отношения в положительную сторону, положительными эмоциями в адрес обидчика – и на уровне диспозиции эта составляющая уникальна для прощения, а на ситуативном уровне, когда речь идет о конкретных воспоминаниях из прошлого, положительно связана с просоциальными измерениями ЧС ($Ч_{бенеф}$, $Ч_{наруш}$, $Ч_{свид}$). Отдельный человек может одновременно быть восприимчивым к несправедливости, быть склонным фокусироваться на несправедливости в своих мыслях, но при этом способным и склонным принимать решение прощать обидчиков, таким образом измерения ЧС оказываются связаны с разнонаправленными аспектами прощения.

Общие выводы по результатам исследования

1. Теоретически обосновано и эмпирически подтверждено существование чувствительности к справедливости как самостоятельной черты личности нижнего уровня, несводимой к другим личностным конструктам в российской культуре. При наличии общего ядра чувствительности к справедливости в ней эмпирически выделяются четыре аспекта, связанные с четырьмя позициями в ситуации несправедливости: чувствительность жертвы, свидетеля, бенефициара и нарушителя.

2. Выявлена система взаимосвязей чувствительности к справедливости с базовыми тенденциями: эмоциональной стабильностью (положительным полюсом

нейротизма), уступчивостью, сознательностью, а также с параметрами Я-концепции: самоуважением и устойчивостью.

3. Существуют демографические различия в уровне чувствительности к справедливости: в женской выборке чувствительность к справедливости значимо выше, чем в мужской, для всех измерений чувствительности к справедливости, кроме чувствительности жертвы; также присутствует возрастная динамика чувствительности к справедливости: чувствительности нарушителя с возрастом растет, чувствительность жертвы и свидетеля – снижаются.

4. Обнаружены отрицательные связи чувствительности к справедливости с психологическим благополучием. Депрессивные симптомы положительно связаны со всеми измерениями чувствительности к справедливости, при этом для позиции нарушителя связь наименее выражена. Позиция жертвы, как наиболее пассивная и уязвимая, в наибольшей степени положительно связана с депрессивной симптоматикой и отрицательно – с благополучием.

5. Существуют гендерные отличия в паттерне связей чувствительности к справедливости с показателями психологического благополучия. Отрицательная связь с позитивной составляющей психологического благополучия присутствует только для женской выборки, что говорит о более обширном влиянии ЧС на психическую жизнь женщин.

6. Положительная связь измерений чувствительности к справедливости с депрессивными симптомами объясняется их связями с нейротизмом (одной из базисных тенденций личности) и самоуважением (элементом Я-концепции).

7. Отрицательная связь чувствительности к справедливости с благополучием (присутствующая в женской выборке) также не является результатом уникального содержания чувствительности к справедливости и полностью объясняется связями с элементами Я-концепции: самоуважением и устойчивостью.

8. Чувствительность к справедливости и прощение как черты личности, связанные с ситуациями воспринимаемого нарушения справедливости, не являются взаимоисключающими альтернативами.

9. В ходе исследования подготовлен новый методический инструментарий. Валидизирована русскоязычная методика исследования Чувствительности к справедливости. Апробированы на студенческой выборке русскоязычные методики исследования прощения: *Шкала прощения Хартланд*, *Шкала ситуативного прощения* и *Шкала вероятности прощения*. Русскоязычные версии *Шкалы прощения Хартланд* и *Шкалы ситуативного прощения* обладают удовлетворительными психометрическими характеристиками, имеют несколько иную структуру по сравнению с оригинальной, однако в целом обладают приемлемыми психометрическими характеристиками.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования, описываются дальнейшие перспективы исследования данной темы.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях

1. Адамян А. А., Нартова-Бочавер С. К., Шмитт М. Опросник “Чувствительность к справедливости”: валидизация на русскоязычной выборке // Психологический журнал. – 2018. – Т. 39. – №. 4. – С. 105-116.
2. Адамян А. А. Чувствительность к справедливости и ее последствия для личности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – Т. 16. – №. 3. – С. 479-493.
3. Нартова-Бочавер С.К., Адамян А.А. Способность прощать и домашняя среда как аспекты межличностного взаимодействия // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 1. С. 193–210. doi:10.17759/sps.2020110112

Список литературы

1. Адамян А. А., Нартова-Бочавер С. К., Шмитт М. Опросник “Чувствительность к справедливости”: валидизация на русскоязычной выборке // Психологический журнал. – 2018. – Т. 39. – №. 4. – С. 105-116.
2. Андриященко А. В., Дробижев М. Ю., Добровольский А. В. Сравнительная оценка шкал CES-D, BDI и HADS (d) в диагностике депрессий в общей медицинской практике // Журнал неврологии и психиатрии. – 2003. – Т. 5. – С. 11-18.
3. Апресян Р. Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, — 1995. – С.353
4. Гулевич О. А. Структурно-функциональная модель регуляции обыденных представлений о справедливости: дис. – Институт психологии РАН. — 2012.
5. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы - СПб: Издательство "Питер". – 2000. – С. 401-405.
6. Ильичёв Л.Ф., Федосеев П.Н., Ковалёв С.М., Панов В.Г.. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. 1983.
7. Князев Г.Г., Митрофанова Л.Г., Бочаров В.А. Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов „Большой Пятерки"» // Психологический журнал. – 2010. – V. 31. – №. 5. – Р. 100-110.
8. Крюкова Т. Л., Куфтык Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. – 2007. – №. 3. – С. 93-112.
9. Методика «Личностная агрессивность и конфликтность» / Диагностика эмоционально-нравственного развития. Ред. и сост. И.Б.Дерманова. - СПб., – 2002. – С.142-146.
10. Молчанов С. В. Развитие морально-ценностной ориентации личности как функция социальной ситуации развития в подростковом и юношеском возрасте // Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук. – 2005.
11. Мунтян Г. М. Социальная справедливость (философские основания и формы понимания) : дис. – Волгоградский государственный университет. – 2009.
12. Нартова-Бочавер С. К., Астанина Н. Б. «Униженность и оскорбленность» как

- черта личности: феноменологический анализ позиции жертвы // Социальная психология и общество. – 2014б. – № 2. – С. 13-26.
13. Нартова-Бочавер С. К., Подлипняк М. Б., Хохлова А. Ю. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых // Клиническая и специальная психология. – 2013. – № 3. – С. 1-14.
14. Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. – 2014а. – № 1.
15. Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 4. – С. 98-106.
16. Прихожан А. М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста // М.: АНО «ПЭБ. – 2007. – Т. 56.
17. Шадриков В. Д. Воспитание совести // Высшее образование сегодня. – 2017а. – № 6. – С. 35-44.
18. Шадриков В.Д. Покаяние как фактор формирования совести // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2006. – Т. 3. – № 4. – С. 3–13.
19. Шадриков В.Д. Совесть и ее воспитание М.: Университетская книга. – 2017б. – 112 с.
20. Шадриков В.Д. Способности и одаренность человека: Монография. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. – 274 с. (Достижения в психологии)
21. Щебетенко С. А. Черты личности в рефлексии и жизненных проявлениях человека. Дис.... докт. психол. наук // М.: ВШЭ. – 2017.
22. Allemand M., Steiner M. Situation-specific forgiveness and dispositional forgiveness: A lifespan development perspective // Justice and conflicts. – Springer, Berlin, Heidelberg, 2011. – С. 361-375.

23. Baumert A., Schmitt M. Justice Sensitivity // Handbook of social justice theory and research / Eds. C. Sabbagh & M. Schmitt . New York, NY: Springer. – 2016. – P.161–180
24. Campbell-Sills L., Stein M. Psychometric analysis and refinement of the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC): Validation of a 10)item measure of resilience //Journ. of Traumatic Stress. – 2007. – № 6. – P. 1019-1028
25. Connor K. M., Davidson J. R. T. Development of a new resilience scale: The Connor-Davidson resilience scale (CD-RISC) //Depression and anxiety. – 2003. – T. 18. – №. 2. – C. 76-82.
26. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity // Social Justice Research. – 1999. – V. 12. – №. 2. – P. 79-98
27. Fetchenhauer D., Huang X. Justice sensitivity and distributive decisions in experimental games //Personality and Individual Differences. – 2004. – V. 36. – №. 5. – P. 1015-1029.
28. Gerlach T. M. et al. Justice sensitivity and forgiveness in close interpersonal relationships: The mediating role of mistrustful, legitimizing, and pro-relationship cognitions //Journal of personality. – 2012. – V. 80. – №. 5. – P. 1373-1413.
29. Gollwitzer M. et al. Why and when justice sensitivity leads to pro-and antisocial behavior //Journal of Research in Personality. – 2009. – V. 43. – №. 6. – P. 999-1005.
30. Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct // Social cognition. – 1989. – V. 7. – №. 2. – P. 113-136.
31. Janoff-Bulman R., Carnes N. C. Surveying the moral landscape: Moral motives and group-based moralities //Personality and Social Psychology Review. – 2013. – V. 17. – №. 3. – P. 219-236.
32. Lerner M.J. The belief in a just world: A fundamental delusion. New York, NY: Plenum Press. – 1980.
33. Lotz S. et al. The (in) stability of social preferences: Using justice sensitivity to

- predict when altruism collapses //Journal of Economic Behavior & Organization. – 2013. – V. 93. – P. 141-148.
34. McAdams D. P., Pals J. L. A new Big Five: fundamental principles for an integrative science of personality //American psychologist. – 2006. – V. 61. – №. 3. – P. 204.
35. McCrae R. R., Costa Jr P. T. A five-factor theory of personality //Handbook of personality: Theory and research. – 1999. – V. 2. – №. 1999. – P. 139-153.
36. McCrae, R. R., Costa, P. T., Jr. The five-factor theory of personality // Handbook of personality: Theory and research. – 2008 - P. 159–181
37. Mehrabian A., Epstein N. A measure of emotional empathy 1 //Journal of personality. – 1972. – V. 40. – №. 4. – P. 525-543.
38. Mohiyeddini C., Schmitt M. J. Sensitivity to befallen injustice and reactions to unfair treatment in a laboratory situation //Social Justice Research. – 1997. – V. 10. – №. 3. – P. 333-353.
39. Nartova-Bochaver S. K., Donat M., Rüprich C. Subjective Well-Being From a Just-World Perspective: A Multi-Dimensional Approach in a Student Sample //Frontiers in psychology. – 2019. – V. 10. – P. 1739.
40. Nartova-Bochaver S., Donat M., Astanina N., & Rüprich C. Russian adaptations of General and Personal Belief in a Just World Scales: Validation and psychometric properties //Social Justice Research. – 2018. – V. 31. – №. 1. – P. 61-84.
41. Rest J.R. The major components of morality // Morality, moral behavior, and moral development. New York; Wiley. – 1984. – P. 24-38.
42. Rosenberg M. Conceiving the self: Basic Books. NY. – 1979.
43. Rothmund T., Männel K., Altschner R. Is justice sensitivity a moral disposition //14th Biennial Conference of the International Society for Justice Research, Tel Aviv, Israel. – 2012.
44. Ryan R. M., Deci E. L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being //Annual review of psychology. – 2001. – V. 52. – №. 1. – P. 141-166.

45. Rye M. S. et al. Evaluation of the psychometric properties of two forgiveness scales //Current Psychology. – 2001. – V. 20. – №. 3. – P. 260-277.
46. Rye M. S. et al. Evaluation of the psychometric properties of two forgiveness scales //Current Psychology. – 2001. – V. 20. – №. 3. – P. 260-277.
47. Schmitt M. J., Mohiyeddini C. Sensitivity to befallen injustice and reactions to a real-life disadvantage //Social Justice Research. – 1996. – V. 9. – №. 3. – P. 223-238.
48. Schmitt M. J., Neumann R., Montada L. Dispositional sensitivity to befallen injustice //Social Justice Research. – 1995. – V. 8. – №. 4. – P. 385-407.
49. Schmitt M., Baumert A., Gollwitzer M., Maes J. The justice sensitivity inventory: Factorial validity, location in the personality facet space, demographic pattern, and normative data // Social Justice Research. – 2010. – V.23. – P.211–238.
50. Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D. Justice sensitivity: Assessment and location in the personality space // European Journal of Psychological Assessment. – 2005. – V. 21. – P. 202–211.
51. Schwartz S. H. An overview of the Schwartz theory of basic values //Online readings in Psychology and Culture. – 2012. – V. 2. – №. 1. – P. 11.
52. Tennant R. et al. The Warwick-Edinburgh mental well-being scale (WEMWBS): development and UK validation //Health and Quality of life Outcomes. – 2007. – V. 5. – №. 1. – P. 63.
53. Thibaut J., Walker L. Procedural justice: a psychological analysis. Hillsdale, NJ: Erlbaum. – 1975.
54. Thompson L. Y. et al. Dispositional forgiveness of self, others, and situations //Journal of personality. – 2005. – V. 73. – №. 2. – P. 313-360.